

Александр Павильч

Минский государственный лингвистический университет (Беларусь)

НЕРЕФЛЕКСИВНЫЙ ОПЫТ ВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Начальный этап формирования компаративистики как модели исследования культурного многообразия совпадает с развитием теоретически неотрефлексированных форм компаративистики, предшествовавших утверждению компаративного подхода в гуманитарной науке. Сравнительные когнитивные практики в традиционной культуре развивались до формирования научных основ компаративного знания, что наблюдается лишь на рубеже XVIII–XIX вв., и соответственно имели имплицитный статус. Реконструкция опыта нерелексивного восприятия культурного многообразия на основе текстуальных артефактов (памятников религиозной и светской письменности, исторических и философских сочинений, художественной литературы) позволяет выявить следующие пути становления методологического инструментария сравнительного анализа в имплицитных компаративных практиках:

- несистематичное соотношение отдельных аспектов социокультурной действительности разных историко-культурных эпох, этнокультурных и конфессиональных общностей;
- поиск формальных аналогий и несоответствий в поликультурном пространстве;
- манифестация межкультурной дистанции и индивидуального измерения культур на основе фрагментарных различий;
- объяснение несоответствий и сходства.

Нерелексивные формы компаративного знания, составившие основу сравнительных когнитивных практик в традиционном обществе, сводились преимущественно к описанию и оценке разных этнокультурных и религиозных общностей и отличались доминированием цен-

ностных принципов их восприятия. Сравнительное осмысление этнографической реальности и религиозной организации многочисленных народов осуществлялось в контексте их дескриптивной репрезентации, обнаруживающей ограниченность возможностей непосредственного эмпирического опыта, отсутствие целенаправленности сравнения, последовательности и системности критериев анализа, доминирование субъективных оценок в интерпретации межкультурных различий.

Компаративные наблюдения и представления, отраженные в текстуальных артефактах, отличаются многоаспектностью своего содержания и способов репрезентации. В имплицитном опыте компаративного восприятия поликультурного пространства в традиционном обществе заметно преобладают случайность и непоследовательность сравнения, обнаруживается недостаточность эмпирического обеспечения сравнения, неосознанность и бессистемность критериев анализа, что соответственно лишало поиски целевых установок и часто приводило к возникновению необоснованных выводов. Основные критерии сравнения, выведенные из мирового историко-культурного опыта, могут быть представлены в их следующей совокупности:

- этнографические реалии, нравы, обычаи, традиции;
- ценностные доминанты, конструкты ментальности и духовности;
- мифологические представления, религиозные верования и культы;
- религиозная идентичность и конфессиональная организация;
- социальная и государственно-политическая организация;
- художественное творчество;
- антропологические характеристики и темпераменты;
- коммуникативные характеристики и стереотипы жизнедеятельности;
- межличностные и межкультурные отношения;
- особенности социализации и инкультурации и др.

Осмысление межкультурных различий в собственно литературных текстах является результатом поэтической рефлексии культурного многообразия, поскольку образная репрезентация поликультурного мира осуществляется вне научных понятий и категорий компаративистики и теоретико-методологических ресурсов сравнительного анализа. Констатация отличительных признаков социокультурной организации народов не исключает апелляцию авторов к единичным фактам и субъективным заключениям, на основе которых определялись типологические сходства и индивидуальные особенности культур. Выбор объектов сравнительной интерпретации в художественной прозе и публицистике часто

диктовался сознательным стремлением к контрастному изображению соотносимых культур, что позволяло делать выводы и обобщения о степени авторитетности, сознательности, патриотичности, социальной активности, гражданской ответственности тех или иных народов.

Литературно-художественное творчество подтверждает значимость метафоричного языка в осмыслении историко-культурных, религиозных, этнонациональных различий (Вергилий, Ф. Рабле, Вольтер, Ш.Л. Монтескьё, Дж. Свифт, И.В. Гёте, Дж.Г. Байрон, О. де Бальзак и др.). Метафоризация как способ поэтического выражения реалий культурного многообразия базируется на образном уподоблении и символическом обобщении особенностей той или иной социокультурной среды. Основу метафоры составляет поиск ассоциативных аналогий, закрепляющих семантику культурных генотипов и подчеркивающих их специфическую коннотацию. Использование метафоризации обуславливалось соответствующими историческими и социальными контекстами, в рамках которых поэтический метаязык обеспечивал утверждение и распространение устойчивых стереотипов.

Осмысление реалий поликультурной действительности и выявление их специфики в контексте художественной прозы и публицистики обобщенно определяется понятием *компаративные интенции*. Анализ разных жанров литературного творчества позволяет установить прямой и косвенный характер компаративных интенций, обусловленных идейными замыслами авторов и свободных от научных установок и задач сравнительной интерпретации. Компаративные интенции обнаруживаются в контексте описания и сопоставления реалий и фактов культуры, относящихся к разным историческим эпохам, типам обществ, этнонациональным общностям и религиям. Исторический опыт развития компаративного знания в России свидетельствует об исключительной роли художественной литературы в осмыслении русской и зарубежной культуры на протяжении многих эпох. Многие писатели XX в. (Д.С. Мережковский, И. Ильф, Е. Петров, М. Булгаков и др.), не будучи учеными и не ставя перед собой цели теоретической интерпретации межкультурных различий, благодаря сопоставительным контекстам сумели образно представить (не без едкой сатиры) морфологические, семиотические и функциональные особенности разных сторон культуры советского государства. Не поддающаяся единому определению стилистика изложения русских мастеров слова и использованные ими разнообразные поэтические приемы позволяют целостно представить духовную атмосферу первых десятилетий советской власти. Компаративные интенции, явля-

ясь органичным вкраплением в архитектуру произведений М. Булгакова («Мастер и Маргарита» и другие), помогают отразить специфику доминирующей идеологии в стране строящегося коммунизма и определить особенности ее культурной политики [5]. Обращение к сравнению дает возможность проследить истоки советской ментальности и на фоне многочисленных контрастных реалий и фактов зарубежной культуры установить степень прогрессивности достижений и приобретений советского народа. В литературном творчестве М. Булгакова компаративные интенции отражают глубину рефлексивного восприятия социокультурной действительности СССР и оригинальность ее метафоричной оценки автором.

Типичной формой развития нерелексивного компаративного знания в белорусской культуре начала XX в. была *репрезентация этнокультурной действительности* в научной и художественной публицистике, в рамках которой затрагивались вопросы национальной и религиозной идентичности, осмыслились проблемы межэтнических и межконфессиональных отношений и сохранения белорусской лингвокультурной среды (М. Богданович, В.Ю. Ластовский, Я.Ю. Лёсик, Я. Купала, И. Абдзиралович и др.). Фактическую основу для определения межкультурных различий составляли этнографические, историко-культурные, религиозные и лингвистические материалы, а также собственный краеведческий и коммуникативный опыт авторов публикаций. Соотношение и оценка разных подходов и средств изучения чужеземной культуры позволили М. Богдановичу признать возможность и целесообразность одновременного обращения к конкретным эмпирическим фактам, статистическим данным, непосредственным наблюдениям или поэтическому творчеству, поскольку все они являются полезными и вполне уместными в компаративных поисках («Образы Галиции в художественной литературе»). Частные компаративные наблюдения М. Богдановича органично дополнялись его обобщениями, касающимися закономерностей развития культуры. Выявляя общеевропейские тенденции, сопровождавшиеся прогрессирующим дроблением культур, размежеванием родственных культур, одновременно с явными процессами культурной дивергенции автор констатировал интенсивное распространение европейских культурных стандартов и утверждение множества их локальных вариантов. Принимая во внимание генетическую близость, историческое единство русского народа и белорусов, концептуальная позиция М. Богдановича основывалась на признании обеих культур морфологически нетождественными («и по бытовым первоосновам, и по влия-

ниям, направленным извне, и по событиям дальнейшей исторической жизни») [1, с. 259]. Белорусская культура воспринималась как вполне самостоятельный комплекс, а вовсе не вариант великорусской культуры: «не монстр, не раритет, не уникам, а глубоко жизненное явление» [1, с. 259]. Ее отличительной чертой была определена относительная свобода от воздействия финских и татарских элементов по сравнению со средой этнических русских, несмотря на утрату белорусами значительной части своего духовного наследия в условиях колонизации и русификации. В результате сравнительного анализа историко-культурных фактов были установлены возможные повороты и исходы процессов межкультурного взаимодействия в Восточной и Центральной Европе:

1. Географическое расположение белорусских земель издавна способствовало установлению прочных контактов с Западной Европой. Великое княжество Литовское являлось социокультурным пространством, самым благоприятным для встречи и диалога исконных восточнославянских и западных культурных традиций («Белорусы»).

2. Этническое пограничье Западной Украины со славянскими и неславянскими народами в итоге привело к ее сближению с европейской культурой, способствовало усвоению и адаптации разных элементов; город Львов прикоснулся к западной цивилизации и «приобрел европейскую физиономию» [2, с. 51]; с другой стороны, здесь наблюдалось дистанцирование от православной Руси, были очевидными последствия ассимиляции восточнославянских традиций и усиление католического влияния («Червоная Русь. Австрийские украинцы», «Львов»).

3. Географическая близость и государственно-политическая зависимость Богемии от Австро-Венгрии и Германии отразились на онемечивании значительной части чешской территории. Германское влияние плодотворно сказалось на развитии городов, оживлении торговли, ремесел, но в то же время активное распространение немецкого языка, засилье немесных законов и порядков поставили под угрозу сохранение чешской этнокультурной самобытности. Несмотря на это, Чехия усилиями собственной самоорганизации и патриотических стремлений также приобрела облик европейского государства и, оставаясь в потоке западной культуры, сохранила стабильность своего языка и католических традиций («Братья-чехи»).

Сравнение в этнокультурных наблюдениях В.Ю. Ластовского было ориентировано на определение своеобразия социокультурной организации белорусов в пространстве мировой культуры, установление содержания культурной дистанции между белорусами и другими славянскими и неславянскими народами, соотношение разных этнонациональных

и этноконфессиональных типов культуры, выявление факторов, определивших межкультурные различия, осмысление результатов контактов и влияний. Его компаративные обобщения опирались на разнообразный исторический, этнографический, лингвистический материал, а также собственный опыт («Воспоминания», «Из нашей жизни»).

На основе обобщений В.Ю. Ластовский выстроил типичную для белорусского крестьянства модель коммуникативного поведения, которая формировалась под влиянием комплекса ментальных и историко-культурных факторов и соответствовала следующим принципам:

– из индивидуальных черт белорусов издавна поощрялась скрытность и по-своему ценилась хитрость;

– разговорчивых и открытых людей одобряли, но их не ценили, в то время как замкнутого человека одновременно остерегались и уважали;

– в повседневных взаимных отношениях было принято по возможности утаивать проявления своего благополучия, а обычай на все жаловаться стал «железным правилом деревенского этикета» [4, с. 189] и надолго сохранился в последующих поколениях белорусов как результат многолетней крепостной неволи и непосильных поборов с крестьян («Воспоминания»).

Представления В.Ю. Ластовского о морфологических особенностях белорусской национальной культуры конструируются на основе следующих положений, выводимых из контекста его рассуждений о реальной ситуации и путях развития культуры белорусов («Наши ценности», «О необходимости стиля в жизни народа», «Патриотический молитвенник», «Подручный российско-кривский (белорусский) словарь»):

– белорусский народ имеет тело, но для его оживления нужен живой дух и идеалы, пропущенные через собственную национальную призму;

– у белорусов наряду с историей и слабыми традициями есть лишь «зародыши идеалов» [4, с. 322];

– белорусская культура обречена на отдаление от оригинальных путей развития, поскольку ее основные приобретения создаются «не в своей национальной кузнице» [4, с. 322], а перенимаются извне «уже преобразованными, пережеванными, подсолёнными и подпеченными историей, традициями и направлениями мысли наших старокультурных соседей» [4, с. 322];

– белорусскому обществу наряду со старанием еще очень недостает своих собственных способов решения культурных проблем;

– в социокультурной среде белорусов отсутствует собственный стиль жизнедеятельности, обеспечивающий устойчивость процессов национальной идентификации и стабильность развития этнической

культуры; содержание понятия *стиль* отождествляется с оригинальным «духовным строением человека» [4, с. 255], отражающимся в особенностях самосознания и разных сферах народного творчества;

– белорусская нация равнодушна к поддержанию жизнеспособности своего главного достояния – родного языка, от степени сохранения речевого статуса которого зависит будущее культуры;

– чрезмерное и неоправданное увлечение заимствованиями постепенно привело к утрате тех неповторимых черт, которыми обладает родной язык;

– пересадка не выросших из «народного духа» [4, с. 424] форм и элементов культуры, кроме технических достижений, всегда угрожает разным сферам национальной жизни утратой исконного колорита и оригинальности.

Категоричность рассуждений В.Ю. Ластовского о деструктивной роли языковых заимствований в пространстве национальной культуры заметно контрастирует с позицией Я.Ю. Лёсика, который одобрял необходимость заимствованной лексики, ссылаясь на жизненные потребности социально-экономического и коммуникативного характера и невозможность ограничения ресурсами собственной культуры в потоке социокультурной динамики («Грамматика белорусского языка»). Я. Купала вслед за Ф. Богушевичем тревожно реагировал на заметную утрату белорусским языком статуса активного средства речевой коммуникации и связывал эту проблему с несознательностью и пассивностью гражданской позиции населения. В качестве положительного примера и образца для подражания ему представлялись евреи, не допустившие ассимиляции своих исконных культурных традиций, несмотря на то, что «история выдернула совсем их отчизну» [3, с. 35]; даже нахождение евреев в ином культурном окружении на протяжении веков не помешало им сохранять традиции и одновременно получать образование на языке того народа, среди которого они жили.

В популяризации компаративных изысканий в области культуры, в укреплении социокультурных отношений в государстве и распространении просвещения существенную роль сыграл белорусский общественно-политический и литературный журнал «Кривич», который издавался с 1923 по 1927 г. В предисловии к первому номеру этого журнала его редактор В.Ю. Ластовский одну из целей издания связывал с «поиском путей к самоопределению Беларуси в сфере духовности» [4, с. 323] и «служением белорусскому искусству и культуре» [4, с. 323]. Компаративный опыт формировался благодаря публикациям преимущественно исторического, краеведческого, философского, филологического и эт-

нографического характера. Журнал информировал белорусов о социокультурной жизни в европейских странах и их межкультурном взаимодействии.

Таким образом, основными теоретически неотрефлексированными формами реализации компаративного подхода в литературно-художественном творчестве и публицистике являлись: поэтическое восприятие фактов культурного многообразия, репрезентация процессов межкультурного взаимодействия в поликультурном пространстве, осмысление результатов межкультурных контактов и способов достижения конструктивного диалога. ИмPLICITНЫЕ сравнительные практики, развивавшиеся в рамках литературной публицистики, отражали соотношение этнокультурных реалий в разных аспектах социокультурной динамики, затрагивали проблемы историко-культурной преемственности, межнациональных и межконфессиональных отношений. ИмPLICITНЫЙ опыт компаративистики, представленный в теоретически неотрефлексированных формах сравнительного культурологического знания, отражает эмпирические возможности организации компаративных наблюдений, фиксирует определенный круг проблем и предметов осмысления, которые в процессе формирования и утверждения компаративного подхода как системной методологии исследования культурного многообразия корректировались, дополнялись или существенно изменялись. Несмотря на то, что имPLICITНЫЕ сравнительные практики предшествовали формированию научных основ компаративистики как теоретико-методологической модели исследования культурного многообразия, временные рамки развития различных форм нерелексивного компаративного знания остаются открытыми, поскольку внешнее (стороннее) осмысление разных аспектов мультикультурной динамики не противоречит логике постижения поликультурной действительности как объекта познавательной деятельности. В современном гуманитарном знании заметна тенденция сведения сравнительной интерпретации реалий социокультурного пространства к его философской рефлексии, в результате чего компаративные интенции проявляются в формате своего рода культурологической эссеистики, занимающей промежуточное положение между художественной, научной и массовой публицистикой. Хотя подобные варианты реализации компаративного подхода в осмыслении культурного многообразия не исчерпывают собой все содержание и способы организации сравнительных исследований, они свидетельствуют о современных жанровых возможностях и альтернативах репрезентации результатов познавательной деятельности в сфере культурологической компаративистики.

Літэратура

1. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – Т. 2. – 600 с.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3. – 461 с.
3. Купала, Я. Поўны збор твораў : у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 2002. – Т. 8. – 462 с.
4. Ластоўскі, В. Выбраныя творы / В. Ластоўскі. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1997. – 512 с.
5. Павільч, А.А. Компаративные интенции в творчестве М. Булгакова / А.А. Павільч // Michaii Buihakow, jego czasy i my = Михаил Булгаков, его время и мы: коллективная монография ; под ред. Г. Пшебинды и Я. Свежего / Ин-т восточнославянской филологии Ягеллонского ун-та. – Краков, 2012. – С. 73–81.